

ПРАЦІ МОЛОДИХ НАУКОВЦІВ

Ірина Тарангул (Черновці)

СВОЕОБРАЗІЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ МИФА ОБ АНТИГОНЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ XX ВЕКА

В отчетливо проявляющемся трансформационном контексте прослеживается тенденция обращения национальных литератур к общекультурным традициям, продиктованная стремлением осмыслить экзистенциальные проблемы своего времени и выявить их онтологические и аксиологические истоки. При этом, активизируясь в литературном контексте эпохи-реципиента, традиционные сюжеты и образы обнаруживают способность адаптироваться к запросам иного художественно-эстетического континуума и, благодаря гибкости и открытости содержательных характеристик, отражать национально-психологические черты заимствующего народа.

Особый интерес для современной литературы представляют традиционные образы мифологических женщин, в которых, на наш взгляд, заложены противоречивые архетипные характеристики, позволяющие увидеть в женщине, с одной стороны, слабость и незащищенность, с другой – неожиданно возникающую в критической ситуации силу духа, стойкость, непоколебимость характера, готовность к самопожертвованию. Женщина-жертва, женщина-мстительница, женщина-амазонка, женщина – защитница морально-этических принципов – таков далеко не полный диапазон содержательных характеристик образов мифологических женщин (сравни: Антигона, Электра, Елена, Юдифь и др.).

Активность восприятия онтологических и аксиологических доминант женских мифологических образов характерна для тех культурно-исторических периодов, когда цивилизация находится в обостренном состоянии экзистенциального выбора. Именно поэтому для литературы XX века, ориентирующейся на нравственно-психологические аспекты, женские мифологические образы представляют благодатный материал для осмысления глобальных проблем своего времени.

В этом отношении чрезвычайно продуктивным для литературного континуума является миф об Антигоне, который подвергается трансформации, основываясь на трагедии Софокла "Антигона". В разные культурно-исторические периоды к образу Антигоны обращались: в XVII в. – Ж.Ротру, Ж.Расин, Ф.Кино; в XVIII-XIX вв. – П.Метастазιο, Ф.Гёльдерлин, В.Капнист; в XX в. – В.Газенклевер, Ж.Кокто, Ж.Ануй, Б.Брехт, К.Хубалек, А.Бошо, Р.Хоххут, С.Эсприу, Я.Гловацкий, Д.Р.Попеску, П.Карваш, Н.Габорович и др.

В литературно-критических работах утвердились два диаметрально противоположных подхода к анализу идейного конфликта классического сюжета. Так, часть ученых (А.Боннар, Г.Кирквуд, Г.Федотов, В.Ярхо, и др.) отмечают в Антигоне ярко выраженную индивидуальность, которая проявляется в непоколебимой стойкости характера и утверждении человеческой свободы. Другой подход к анализу трагедии Софокла был основан на позиции Г.В.Ф.Гегеля, согласно которой Антигона и Креонт в равной степени являются трагическими персонажами, поскольку являются воплощением одинаково весомых принципов – родственного долга и верности государству.

Родственный долг основывается на подчинении божественным законам, долг перед государством – законам человеческим. В современных трактовках классического сюжета основные персонажи оказываются в экзистенциальной ситуации самоопределения и выбора, вследствие чего оппозиция "божественная воля – воля человеческая" трансформируется в оппозицию "нравственные непреложные ценности – человеческое своеволие".

В новых версиях мифа авторов привлекает универсальная характеристика общеизвестного персонажа как героини-тираноборца, поэтому сюжет об Антигоне особую значимость приобретает в литературе XX века – эпохе, насыщенной трагическими катаклизмами. Еще С. Кьеркегор концептуально обозначил трансформационный диапазон античного мифа следующим образом: "Я сохраняю имя из античной трагедии, которой в основном буду следовать, однако, с другой точки зрения, все будет современным" [цитата по: 1, с. 202]. В современных

версиях сюжета об Антигоне переосмыслению подвергается мировоззренческий конфликт между Антигоной и Креонтом, который в процессе рецепции обнаруживает следующую трансформационную тенденцию: противостояние Антигоны и Креонта (конфликт идей) – конфликт личности и тиранической власти → конфликт личности и социума (толпы). На такую закономерность восприятия традиционных структур указывает А.Е.Нямцу, отмечая, что “именно отдельная личность, противостоящая диктату в его многообразных формах, отстаивающая свою внутреннюю свободу, свое ”я” против насилия со стороны ”мы” и ”они”, утверждающая свою самоценность и личностность – таков диапазон переосмысления традиционного материала легендарно-мифологического и литературного происхождения” [5, с. 26].

Следует отметить, что в современных трактовках традиционных структур, как правило, обнаруживается смещение ”центра интереса” (К.Долинин). В воспринимающем контексте генетически закладывается основа фабульного действия протосюжета, поэтому читатель, зная фабульную схему сюжета-образца, заинтересован не разрешением конфликта, о результате которого ему уже известно, а мотивацией поступков героев.

Иллюстрацией переосмысления формально-содержательных характеристик классических персонажей является пьеса Ж.Ануя ”Антигона”, традиционный сюжет которой наполняется новым идейно-эстетическим содержанием. Изобразив Креона самоотверженным тружеником, несущим бремя ответственности за благо государства, а не злодеем, видящим в поступке Антигоны угрозу своей власти, автор как бы уравнивает героев в своих правах и ставит их в ситуацию нравственного выбора. В процессе развития сюжета становится очевидным, что Креон, вынужден изменять нравственным принципам ради престижа собственной власти, в то время как Антигона остается цельной натурой до конца. В отличие от героини Софокла, Антигона Ж.Ануя постоянно испытывается на верность своим убеждениям: стремясь оправдать собственные, очевидно безнравственные поступки, Креон пытается разрушить моральные принципы Антигоны, заставить ее изменить себе, обещая взамен жизнь, наконец, лишает Антигону уверенности в том, что растерзанный труп, который она пытается похоронить – тело ее брата. Антигона подвергается своеобразному искушению, слушая Креона, но понимает, что то счастье, которое он ей сулит – это жалкое счастье обывателя: ”Бедный Креон! Хотя ногти мои сломаны, испачканы в земле, хотя на руках у меня синяки, посаженные твоими стражниками, хотя у меня от страха сосет под ложечкой, - царствую я, а не ты!” [2, с. 389]. Креон у Ж. Ануя становится олицетворением государственного произвола, поэтому конфликт двух равноправных идей, увиденный Г.В.Ф.Гегелем в трагедии Софокла, в новой версии трансформируется в конфликт личности и тиранической власти.

В послевоенные годы к сюжету об Антигоне обращается Б.Брехт, адаптируя его к событиям Берлина 1945 года. В комментариях к своей ”Антигоне” Б.Брехт определил характер трансформации истории мифологической героини, которая в современном прочтении ”по своему содержанию... могла приобрести известную актуальность и ставила интересные формальные задачи. Что касается политического содержания, то аналогии с современностью... после их осмысления поразительно усилились” [2, с. 159]. Автор переосмысливает мотивацию позиции Антигоны, которой движут не столько родственные чувства, сколько стремление противостоять агрессивным замыслам Креона, ведущего захватническую войну с Аргосом за железные рудники. Мотивация поступка Антигоны здесь продиктована ее гражданскими убеждениями.

Еще дальше от своего прототипа отдалается героиня трагедии словацкого драматурга Петера Карваша ”Антигона и другие” (1961), где исключается мотив родственного долга. Действие происходит в концлагере, и сюжет трагедии, разворачивающийся между Антонией (Анти), антифашистом Леопольдом Кюне (Полли) и хаупштурмфюрером Кроне можно рассматривать и самостоятельно, и через призму античных параллелей, поскольку, с одной стороны, в трагедии угадывается фабула античного сюжета, а с другой – персонажи пьесы Антония и Леопольд Кюне не находятся в родственных отношениях, а в противозаконном погребении Полли принимает участие не только Антония, но и другие заключенные концлагеря, то есть героиня не одержима высокими нравственными принципами, она поступает как все.

Трансформация основного конфликта, заявленного в протосюжете, в противостояние личности и социума наблюдается в повести словенской писательницы Н.Габорович ”Антигона с севера” (1974). Жанровая специфика новой версии мифа позволила автору осуществить кардиналь-

ную повествовательную переакцентуацию. Автор демонстрирует интерес к психологическому состоянию Антонки, решившей похоронить брата Павла, ставшего предателем, вопреки общественному мнению. С этой целью автор использует двойной хронотоп, где настоящее переплетается с прошлым, а на ассоциативном уровне – и с временем протосюжета. Сама героиня не функционирует в сюжете открыто, повествование в произведении построено на своеобразно переплетающихся воспоминаниях об Антонке сестры Изы и молодого человека, ставших участниками давних событий.

При этом оба персонажа выполняют разные повествовательные функции: один сообщает о произошедших трагических событиях, то есть функционирует как выразитель событийного плана, повествование же от Изы о тех же событиях отражает внутреннее состояние Антонки. Таким образом, сюжет повести составляет рассказ об одних и тех же событиях, но с разных сторон восприятия. При этом объектом изображения в повести становятся не столько сами события, о которых читатель знает, благодаря мифологическому протосюжету, а реакция героини на происходящее. Сообщаемый героем факт как бы преломляется через сознание Изы, знающей о внутренних переживаниях Антонки, что позволяет понять мотивы поступка главной героини.

Фабула этой повести в основном повторяет фабулу протосюжета, но при этом автор меняет акценты в построении основного конфликта. В повести отсутствует противостояние между Антонкой и немецкими оккупантами, характерное для литературы о войне. Конфликт разворачивается между героиней и ее односельчанами, отказывающимися хоронить брата. Антонка, отстаивающая высшие нравственные принципы гуманности и сострадания, становится изгоем в таком обществе: ”– Мне казалось, я умею ненавидеть ... выходит, что нет. Совсем не могу. Они этого понять не хотят. Не могу я ненавидеть по приказу, как они. Гонят меня, не разрешают брата похоронить. Нет у них в сердце справедливости, нет любви, ничего стоящего нет” [4, с. 294]. Автор показывает, какую угрозу несет общество, призванное бороться со злом, но, утрачивая нравственные ориентиры, уподобляется этому злу.

В процессе трансформации мифологического сюжета об Антигоне прослеживается углубление психологических аспектов образа, позволяющих проникнуть во внутренний мир героини, оценить мотивацию ее поступков, а традиционный сюжет наполняется новым идейным содержанием. В современных версиях классического сюжета поступок Антигоны провоцирует ситуацию нравственного выбора, вследствие чего происходит усложнение доминантного конфликта, в котором мотивация поступка Антигоны утрачивает личностный характер, героиня становится художественной моделью ответственности за сохранение универсальных морально-этических принципов.

Литература

1. Аникс А. Теория драмы от Гегеля до Маркса. – М.: Наука, 1983. – 288 с.
2. Ануй Ж. Пьесы. М.: Изд-во ”Гудьял-Пресс”, 1999. – 688 с.
3. Брехт Б. Обработки. – М.: Искусство, 1967. – 512 с.
4. Габорович Н. Антигона с севера // Голосую за любовь: Повести. – М.: Радуга, 1990. – С. 263-300.
5. Нямцу А. Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования): Монография. – Черновцы: ”Рута”, 2007. – 520 с.
6. Frenzel Elizabeth: Stoffe der Weltliteratur: e. Lexikon dichtungsges – chichtl. Längsschnitte / Elizabeth Frenzel. – 6. Aufl. – Stuttgart: Kröner, 1983. – S. 50-52.

